

DOI: 10.25178/nit.2022.1.15

Статья

«Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства

Юрий В. Попков*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук;
Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация,***Евгений А. Тюгашев***Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Российская Федерация*

В статье осуществлен анализ тувинской культуры на основе использования центр-периферийной теоретической модели, а также субъектно-ориентированного подхода в анализе диалога культур. Объектом исследования является тувинская культура в многоаспектном измерении, предметом — особенности ее представления в горизонте центр-периферийной интерпретации.

Своеобразие тувинской культуры во многом определяется особым внутриматериальным местоположением Тувы. На протяжении длительного времени являясь периферией разных держав (империй), она одновременно выступает центром Азии, располагаясь на территории труднодоступной и географически изолированной естественными преградами. Культурная опосредованность действия географического фактора определяет формирование инверсивных эффектов центрации тувинской культуры, а также динамичность соотношения в ней статусов центра и периферии в процессе исторического развития.

Делается вывод об амбивалентности тувинской культуры в горизонте центр-периферийной теоретической рефлексии. Для ее характеристики авторы предлагают использовать метафору культурного палимпсеста как своеобразного наложения элементов разнообразных культурных комплексов.

Ключевые слова: Тува; тувинская культура; центр; периферия; Центр Азии; архизация; социокультурный подход

Для цитирования:

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 225-236. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович — доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Тел.: +7 (383) 363-42-54. Эл. адрес: filosof10@yandex.ru

“The lost world”: Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space

Yuri V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State Technical University, Russian Federation,*

Evgeny A. Tyugashev

Novosibirsk National Research State University, Russian Federation

The article looks at the Tuvan culture on the basis of the centre/periphery model in theoretical thought, also making use of the subject-oriented approach in analyzing the dialogue of culture. Focusing on Tuvan culture as a multi-aspect entity, the article studies its representations within the centre/periphery view.

The uniqueness of Tuvan culture is largely due to a special geographical location it occupies on the Asian continent. For a relatively long period, it was at the same time a periphery for many powerful states and empires, and lay at the very heart of Asia. Tuva was hard to reach and geographically isolated by natural barriers. The cultural mediation of this geographical factor gives way to an inversive effect of building the “centre” of Tuvan culture, as well as the dynamic balance between the “centre” and “periphery” statuses in the course of history.

The article concludes that in the space of theoretical model of the “centre” vs. “periphery” Tuvan culture acts ambivalently. It can be best described through the metaphor of the cultural palimpsest as a kind of a buildup of elements originating from a variety of cultural complexes.

Keywords: Tuva; Tuvan culture; centre; periphery; Centre of Asia; archaization; sociocultural approach

For citation:

Popkov Yu. V. and Tyugashev E. A. «Zateriannyi mir»: tuvinskaia kul'tura v tsentr-periferiinoi interpretatsii geokul'turnogo i sotsiokul'turnogo prostranstva [“The lost world”: Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 225-236. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

POPKOV, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Research Fellow, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of international relations and regional studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1036-9253

TYUGASHEV, Evgeny Alexandrovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University. Postal address: 1 Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 269-42-54. E-mail: filosof10@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6217-0601

Введение

Известно, что изучение культуры является не менее многоаспектным, чем многообразие существующих определений самого феномена культуры. В современных условиях, характеризующихся интенсификацией межкультурных контактов, проблематика диалога культур выдвинулась в число наиболее значимых направлений социокультурных исследований. Текущая пандемия COVID-19 значительно снизила масштаб реальных контактов, но вовсе не отменила их, а придала им новое измерение и новые формы. Поэтому проблема диалога культур не потеряла своей актуальности.

Данная тема является весьма значимой применительно к исследованиям Тувы и тувинской культуры. Мы уже ставили проблему исследования диалога культур в горизонте компаративистского анализа, обосновав, в частности, эвристические возможности субъектно-ориентированного подхода в интерпретации феномена диалога культур (Попков, Тюгашев, 2020). Эти возможности, характеризующие, в частности, активное начало культур в процессе диалога, предполагается использовать и в данной работе.

В статье основной акцент сделан на диалоге между центром и периферией, центральными и периферийными культурами как одним из значимых контуров диалога культур¹. Этот диалог исходно асимметричен, и его стороны обладают переменной активностью. В силу действия закона исторической динамики соотношения центра и периферии общество, которое в некоторых отношениях рассматривалось как периферия, может оказаться центром в других отношениях (*Multidimensional Social Science ...*, 2009: 163). Поэтому можно говорить об инверсионном характере статусов и взаимоотношений центра и периферии.

Важно также обратить внимание на то, что данная проблема тесно связана с феноменом удаленности и его интерпретациями. В специальной статье, посвященной модификациям значимости удаленности в современной России, К. Хамфри убедительно показывает изменение как исторической значимости определенных мест, так и представлений об их символических значениях (Хамфри, 2014). Она, в частности, справедливо подчеркивает: «Значение удаленности существенно изменилось как для людей, воспринимающих удаленные места издали, так и для самих жителей данных мест» (там же: 8).

С учетом данной перспективы в статье ставится цель проведения анализа участия тувинской культуры в диалоге культур разных народов, прежде всего, вступающих в непосредственное взаимодействие, при условии ее одновременно центрального (в рамках материка) и периферийного (в рамках государства) территориально-пространственного позиционирования. Основные задачи исследования: а) оценка удаленности и «обособленности» Тувы (как территории, в пространстве которой происходит формирование тувинской культуры и где расселяется основной массив ее носителей в настоящее время) как значимого фактора формирования своеобразия тувинской культуры; б) аргументация «центрального» статуса тувинской культуры в локальном межкультурном диалоге в разные исторические периоды; в) выявление инверсивных эффектов центрации тувинской культуры; г) обозначение цикличности и позитивных составляющих архаизации тувинской культуры в современных условиях.

Решение поставленных задач будет осуществляться на основе использования междисциплинарного подхода к исследованию геокультурного и социокультурного пространства, отмеченного выше субъектно-ориентированного подхода в анализе диалога культур, а также центр-периферийной теоретической модели, предполагающей учет особенностей и характера взаимодействия центральных и периферийных регионов в динамике развития. Основы данной модели в свое время разработаны Дж. Фридманом на примере Венесуэлы (Friedmann, 1966).

Многоаспектность интерпретации тувинской культуры

Достаточно распространенной является точка зрения, что Тува, будучи территорией расселения основной массы носителей тувинской культуры, находится в географическом центре Азии. В то же время на протяжении практически всей своей истории была периферией разных могущественных держав. Не случайно Тува в разных своих проявлениях рассматривается как лимитрофная зона

¹ Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? : сб. науч. ст. по итогам Всерос. научно-практич. семинара (Владивосток, 18–19 апреля 2019 г.) / отв. ред.: И. Г. Кузина, А. В. Винокурова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. 228 с.

(Ламажаа, 2021b). Тем самым представление о Туве является неоднозначным, поскольку ее статус воспринимается двойственно. Акцент на ее центральном или периферийном положении дифференцирован в зависимости от избранного дисциплинарного подхода — географического, исторического, геополитического, социокультурного.

В рамках каждого из подходов открываются конкретные перспективы, обуславливающие разные образы тувинской культуры. В географической перспективе, на наш взгляд, можно говорить о тувинской культуре как геокультуре, то есть культуре, которая формируется в рамках конкретного месторазвития — Тувинской котловины и смежных с ней горно-таежных районов. В историко-этнографической перспективе тувинская культура обычно понимается как этнокультура тюркских племен, осевших в Засаянье в VI–VIII вв. н. э. (Маннай-оол, 2004). В результате возникает междисциплинарный конфликт в отношении приоритета «почвы» или «крови» при идентификации тувинской культуры. В этой связи закономерен вопрос о том, что называть тувинской культурой: культуру (культуры) населения (представляющего разные народы) Тувы или культуру тувинцев? В исследовательской практике важно всякий раз четко фиксировать избранный ракурс рассмотрения проблемы. Заметим, что чаще всего данная проблема решается таким образом, что когда авторы пишут «тувинская культура», то подразумевают тувинскую этническую культуру, а если пишут «культура Тувы», то имеют в виду культуру всего населения данного региона. Далее мы будем придерживаться этой позиции. В центре внимания у нас тувинская культура (культура тувинского этноса), для которого Тува выступает «регион-пространством» (Ламажаа, 2021a: 125).

Применительно, собственно, к культуре тувинцев вопрос о значении «почвы» и «крови» в динамике ее развития может иметь разные аспекты рассмотрения и разные интерпретации. Признавая неоднозначность влияния отмеченного процесса на внутренние родовые (родственные) связи тувинцев, отметим существование других интерпретаций соотношения «почвы» и «крови». С учетом решаемых в нашем исследовании задач вполне убедительный, на наш взгляд, вариант разрешения зафиксированного выше междисциплинарного конфликта предложил В. Шубарт, полагавший, что «силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови» (Шубарт, 2000: 16). Он апеллировал к сложившейся практике предоставления национального гражданства и заключал, что народы в целом формируются духом ландшафта. Такой вывод можно признать правомерным и для тувинской культуры, в отношении которой имеет смысл говорить о ландшафтно детерминированной тувинской «модели» культуры (Савинов, 2002: 7). При этом надо иметь в виду наличие в развитии тувинцев сложных переплетений «почвы» и «крови» в разное время. Так, применительно к советскому периоду Ч. К. Ламажаа пишет:

«Расселение тувинцев в стационарных жилищах, формирование совхозов, образование, работа в определенных отраслях экономики в соответствии с новыми профессиями — всё это привело к тому, что прежние родовые группы распались. Их члены разъехались и пространство социальной культуры локальных групп в виде конкретной местности (место-пространство) потеряло свою прежнюю значимость. Там остались жить лишь отдельные семьи животноводов. Родственные группы, помня об общем месте исхода, месте-пространстве, которое их единило, все же сохранили и, возможно, даже укрепили связи. Пространство социальной культуры “растянулось” в географическом смысле, став регион-пространством» (Ламажаа, 2021a: 125).

Известно, что тувинская культура, как и многие другие этнические культуры, внутренне неоднородная. Это обусловлено наличием в регионе традиционного расселения тувинцев различающихся ландшафтов — степной, таежной, тундровой природно-климатических зон, что определяет формирование различающихся хозяйственных специализаций и соответствующих субкультурных образований. В то же время кочевой образ жизни тувинцев способствовал смешению и интеграции относительно изолированных, даже «осколочных» этнических локальных групп и их субкультур. Наряду с этим именно сменяемость зачастую конфликтующих внешних влияний позволяла местному населению сохранить самобытность, собственную геокультуру. Но при этом очевидно, что в процессе разнообразных этнокультурных взаимодействий тувинцы в разные времена осваивали элементы и ценности других, в том числе доминантных, культур, с носителями которых они контактировали. Для характеристики сложного переплетения разнообразных элементов в тувинской культуре мы предлагаем использовать метафору культурного палимпсеста¹, понимаемого как многослойность, как напластование элементов разных культурных влияний.

¹ Палимпсест (от греческого *palin* ‘опять’ и *psestos* ‘соскобленный’) — древняя рукопись на пергаменте, написанная по счищенному, еще более древнему письму.

Внешне детерминированный культурный прогресс далеко не всегда был устойчивым. Зачастую тувинские племена возвращались практически в архаическое состояние. И сегодня отдельные элементы тувинской культуры в их архаической определенности воспринимаются как первозданные. Благодаря этому своему облику они вызывают интерес со стороны глобального сообщества, часто оказываясь в центре его внимания. В этой связи достаточно сказать о феномене уникальной народной тувинской музыки (прежде всего, горлового пения), которая пользуется высоким спросом в разных уголках мира в силу свойственной традиционной культуре исконной способности удовлетворять родовые потребности людей (в коллективизме, гармонии с природой, долгосрочной жизненной перспективе) (Ламажаа, Сузукей, 2019; Долженкова, 2019).

Феномен удаленности и «обособленности» Тувы и его интерпретации

Нетрудно показать, что Тува воспринимается и местными жителями, и приезжими, внешними наблюдателями в качестве особой территории.

Тува характеризуется как находящаяся в центре Азии страна, труднодоступная как в силу удаленности, так и географической изолированности естественными рубежами. Например, описав окружающие ее хребты, Д. Каррутерс заключает:

«Перечисленные горы представляют из себя как бы крепостную ограду, которая предохранила бассейн от иноземного нашествия, сохранила скрытые долины в ненарушимой целостности и обеспечила безопасное убежище для племен, оценивших по достоинству её защитные свойства и хорошо использовавших её естественные твердыни» (Каррутерс, 1914: 108).

Аналогичные описания и оценки в свое время давал известный географ В. А. Обручев. При этом он фиксировал существенные отличия Урянхайского края (прежнего названия Тувы) от Джунгарии, заключая:

«В отношении своего географического положения Урянхайский край резко отличается от Джунгарии; последняя, открытая и на запад, и на восток, являлась проходным двором для народов Азии, из которого волны пришельцев легко могли вытеснить прежнее население» (Обручев, 2007: 164).

В заповедный мир, «спрятанный» и «затерянный» внутри Саян, ведут немногие трудные и опасные дороги. Поэтому эта далекая страна притягательная, неведомая, загадочная и таинственная.

«Признаюсь, в ее малодоступности и есть самое главное притяжение. Для большинства европейцев и американцев она загадочна и далека, — писал Р. Лейтон. — Признаюсь, и для меня в семидесятые-восьмидесятые годы самым сильным мотивом в стремлении попасть в Туву была ее закрытость, недоступность информации о ней»¹.

Но край манит и своими богатствами. Так, в описании С. Р. Минцлова занимающий центр Азии и прежде неведомый европейцам урянхайский край, «ухороненный от всего мира снежными цепями гор», в начале XX века стал привлекать взоры правительств всего мира изобилием полезных ископаемых и биоресурсов при малочисленном населении².

Горное окружение территории республики даже при наличии автомобильных дорог и в XXI веке производит порой мистическое впечатление. Так, Н. Рузановой Тува напоминает, по ее словам, «волшебную страну из сказки про Элли и ее друзей: от остального мира ее отделяли непроходимые горы, которые герои преодолевали разными способами»³.

Ландшафтная изолированность Тувы усугублялась приграничным статусом и жесткими административными ограничениями в маньчжурском Китае и Советском Союзе на посещение ее территории. Известны случаи, например, с всемирно известным Р. Фейнманом, когда любознательному иностранцу не хватало целой жизни для того, чтобы попасть в Туву (Leighton, 1991; Адырбай, 2012).

¹ Оюн Д. Ральф Лейтон: «Танну-Тува? Это слишком красиво, чтобы быть правдой!» // Центр Азии. 2005, 18 июля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2005/7/5216-leighton.html> (дата обращения: 25.12.2021).

² Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Пг. : Рассвет, 1915. С. 2.

³ Рузанова Н. Неизвестная Тува. Здесь живут по принципу: «Нас мало, и мы все — родственники» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2019, 17 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/17/reg-sibfo/v-tuve-zhivut-po-principu-nas-malo-i-my-vse-rodstvenniki.html> (дата обращения: 25.12.2021).

По наблюдениям иностранного исследователя начала XX века, урянхайцы «не часто беспокоят вне их района расположенный мир» (Каррутерс, 1914: 213), а «пределом всех желаний урянхайцев служит желание, чтобы их не трогали, не нарушали их уединение» (там же: 227). Такое мировосприятие в определенной степени сохраняется и сейчас: внешняя мобильность коренного населения остается достаточно низкой¹.

Важно обратить внимание на то, что, как отмечает Ю. М. Лотман, действие географического фактора многопланово, поскольку культурно опосредованно:

«Такие особенности, как материковое расположение (в центре, на побережье) данной культурной ойкумены, место на военно-политической карте эпохи или же в религиозном пространстве греха и святости, задают как бы “географическую судьбу” культуры, некие константные мифы и столь же постоянную борьбу в ней между “мифологической” географией и географией “реальной”» (Лотман, 2002: 744).

С учетом данного наблюдения Ю. М. Лотмана, значимым представляется влияние географического пространства на пространство социокультурное. С этой точки зрения интересно рассмотреть и тувинскую культуру.

Принципиально важно, что не только субъективно, в геокультурном брендинге и саморепрезентации, но и объективно-географически Тува является центром Азии. Известно, что в традиционных культурах разных народов понятие центра наполнено особым ценностным смыслом, особым символизмом. Так, его признаки выделил и квалифицированно описал М. Элиаде (Eliade, 1959: 12–17). Это местообитание богов, труднодоступная закрытая область, хранящая вечные ценности. Здесь *архе* — первоначало творения, которое продолжается и поддерживается в ритуале. Совершающийся в центре ритуал гармонизирует миропорядок, преобразует хаос в космос. Вместе с тем центр амбивалентен, поскольку в нем соединяются верхний и нижний миры, противоборствующие друг с другом.

Это архаический, первоначальный мир, сохраняющий чистоту и порядок. В пределе центр в мифологическом представлении — это фиксированная, недвижимая точка, вокруг которого вращается мир, порой хаотический и враждебный (Guenon, 1983: 9).

В то же время можно сказать, что неподвижность символического центра относительна. Движение в нем происходит неспешно, замедленно и размеренно, циклически воспроизводя через определенные фазы одно и то же состояние. В ритуальном повторении сохраняются исконные порядки и обычаи. События происходят на периферии, а в центре все статично. В этом архаическом мире, расположенном вдали от мирской суеты, время ориентировано на вечность и течет по своим законам. Периферия не только отделяет ограниченную сакральную территорию от чужого и бескрайнего мира, но и соединяет с ней, обеспечивает взаимосвязь и взаимопереход космоса и хаоса. Поэтому периферия также амбивалентна. Она далека от упорядочивающего центра, пронизана импульсами хаоса, доходящими до враждебных. Эпизодические возмущения и бунты периферии могут достигать символического центра, модифицируя его. Так под крайними воздействиями формируется многослойность центра, для характеристики которой применимо ранее упомянутое понятие культурного палимпсеста.

Обособленность Тувы внешними наблюдателями иногда оценивается отрицательно, прежде всего, с точки зрения перспектив ее горнопромышленного освоения (Матков, Кротов, 2015). Но для самих тувинцев выгоды такого экономического развития сомнительны. Например, в отношении золотодобычи еще применительно к началу XX века отмечалось, что она «в действительности совершенно не обогащает урянхайцев» (Каррутерс, 1914: 234). В современных условиях возможный долговременный ущерб экологии и традиционному хозяйству региона от горнопромышленных предприятий рассматривается местным населением как весьма значительный. Н. Рузанова констатирует, что тувинцы опасаются экономического развития, которое может привести к утрате самобытности и ущерб природе: «Может быть, и наша Тува не случайно прячется от нашествия чужаков за Саянами?»²

¹ Хотя следует отметить, что в последние годы в миграционной динамике произошли определенные изменения (см.: Бадмаева, Натсак, 2021).

² Рузанова Н. Неизвестная Тува. Здесь живут по принципу: «Нас мало, и мы все — родственники» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2019, 17 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/17/reg-sibfo/v-tuve-zhivut-po-principu-nas-malo-i-my-vse-rodstvenniki.html> (дата обращения: 25.12.2021).

Инверсивные эффекты центрации тувинской культуры

По свидетельствам путешественников, Засаянье (то, что находится во внешнем для Тувы мире, прежде всего с западной стороны) (Ламажаа, 2012) воспринималось поселившимися в Туве старообрядцами как особый, чужой и опасный мир, от которого защищают горы и тайга¹. Подобное восприятие в известной мере сохраняется вплоть до настоящего времени. Наиболее ярко это проявляется в неоднозначном отношении к проекту строительства железной дороги «Кызыл — Курагино», что, в частности, обуславливает периодически оценку Москвы как источника «зла».

В мировосприятии тувинцев преобладает центристская модель, согласно которой мир положительных ценностей окружен миром агрессивного зла и тяготеет к изоляционизму и замкнутости (Лотман, 2002: 745). Это преобладание отмечается многими современными исследователями. Высказывается мнение, что большая часть внутренних этнокультурных (точнее, субэтнокультурных) ландшафтов Тувы характеризуется традиционным культурным сопротивлением и низкой восприимчивостью местных сообществ к культурной диффузии (Dirin, Fryer, 2020: 35). На взгляд Е. К. Карелиной, «для этнической культуры постсоветского этапа истории Тувы характерна замкнутость в ценностном отношении на себе самой» (Karelina, 2018: 226).

Разумеется, такая центрация никогда не была абсолютной из-за статуса Тувы как исторической окраины соседствующих держав. В частности, проявлениями модели культурного «эксцентризма» (Лотман, 2002: 745) были монголофильство и русофильство как отражение симпатии тувинцев соответственно к монголам и русским (см., например: Отрощенко, 2020).

Ю. М. Лотман указывал на возможность культурной инверсии и формирования антимодели, то есть восприятие центра как мира отрицательных ценностей — как враждебного «центра греховности, культурного разложения или опасного, агрессивного центра», подлежащего «взятию» и «гармонизации» (там же: 745). На эту же возможность обращал внимание В. Н. Топоров, предлагавший учитывать динамичность пространственного соотношения центра и периферии, вследствие которой в определенные моменты времени «поединок с хаотическим началом ведется уже не на периферии пространства, а в самом сакральном центре, который при этих условиях становится и центром хаотических, враждебных человеку сил» (Топоров, 2010: 31). Данная перспектива для тувинской культуры не исключена как в силу амбивалентности символического центра, так и по причине высоких показателей бедности, заболеваемости, преступности.

Может возникнуть вопрос о том, насколько правомерно представлять Туву и тувинцев в качестве некоторого социокультурного центра с точки зрения критерия творчества. Центр обычно креативен и экспансивен, генерирует и распространяет инновации, упорядочивает и модернизирует периферию. А Тува с ее населением воспринимается иногда как вечная историческая окраина, неспособная к творчеству: по оценке В. Родевича, урянхайцы «лишь заимствуют от соседей, а не вырабатывают самостоятельно культурные формы» (Родевич, 1912: 136).

По-видимому, все же и в рассматриваемом контексте следует учесть указанную В. Н. Топоровым динамичность соотношения центра и периферии. В 1927 г. Н. И. Леонов отметил, правда, в отношении всего населения региона, как очевидный факт, что когда-то, в древности, «страна голубой реки» (так он называет Туву) с ее оросительными сооружениями была «одним из очагов центрально-азиатской цивилизации, но потом пришла в упадок»². С выделением памятников уюкской культуры — захоронений скифских царей в долине реки Уюк, датируемых IX веком до нашей эры (Маннай-оол, 1970), стало возможным говорить о Туве как наиболее раннем и развитом очаге скифо-евразийского мира, простиравшегося от Балтии и Причерноморья на западе, до Месопотамии и Индостана на юге, на севере — до Прибайкалья, а на востоке — до современной Внутренней Монголии.

С точки зрения Н. И. Леонова, если в далеком прошлом Тува была бесспорным центром, то в парадигме цикличности этот ее статус может периодически возобновляться и утверждаться. Так, он в своей книге, которая, напомним, издана в 1927 г., говорит о начале нового периода: «...и только в наши дни начинается какая-то новая пора содружества цивилизации и кочевого быта на берегах Улу-

¹ Крылов П. Путевые заметки по Урянхайской земле. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1903. С. 14; Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Пг.: Рассвет, 1915. С. 33.

² Леонов Н. Танну-Тува. Страна голубой реки. М.: Изд-во Об-ва политкаторжан, 1927. С. 36.

Хема»¹. Если исследователи конца XIX – начала XX века единодушно писали об угасании и вырождении урянхайцев, то в период становления и развития национальной государственности тувинское население увеличилось более чем в 6 раз, превысив по темпам прироста бурят, монголов и многих других народов Азии. А центр как раз и есть место плодоносящее, рождающее. Таким образом, Тува с доминированием в ней тувинского населения может рассматриваться как своеобразный, циклически повторяющийся социокультурный центр, роль которого она играла в разные исторические времена.

Цикличность и современность архаизации

Рядом исследователей отмечался циклизм в развитии тувинской культуры. Для историков внешне он выглядит как чередование периодов самостоятельного существования и пребывания в составе соседних держав. Б. А. Мышлявцев описывает ситуационно-циклическое применение тувинцами традиционной и девиантной моделей поведения². Первая модель основана на взаимном уважении, вторая проявляется в асоциальности и повышенной конфликтности, усиливающихся при ослаблении внешнего давления. Данную цикличность предлагалось интерпретировать как периодическое преобладание базового, по классификации П. А. Сорокина, псевдоидеационального менталитета и идеалистического менталитета, функционирующего при стабильной вертикали власти (Тюгашев, Попков, 2017: 14).

Представляется возможным циклическое представление истории тувинской культуры как чередования периодов традиционного общества и полной архаизации, наступающей после распада империй (Ламажаа, 2013: 108). По мнению В. Родевича, в XVIII столетии урянхи оставались практически в первобытном состоянии (Родевич, 1912: 148). По впечатлениям Д. Каррутерса, Тува — это безмятежный уголок на Земле, нетронутый цивилизацией и сохранивший всю прелесть первобытной простоты (Каррутерс, 1914: 132).

Определенная архаичность институтов тувинского общества нашла, на наш взгляд, проявление в его пятичленной организации — в первоначальном делении на пять главнейших племен (там же: 213). В XX столетии эта организация несколько упростилась, но обособленность родоплеменных групп сохранилась. Во внутривополитических процессах Тувы имеет место постоянное колебание и смещение ее «политического центра»: Хайдып, Буян-Бадыргы и Ш. Д. Ооржак (как ее высшие руководители) представляли Даа хошун или хемчиков (западных тувинцев), С. К. Тока происходил из тоджинцев (восточных), его преемник Г. Ч. Ширшин был эрзинцем (южных), Ш. В. Кара-оол — из Улуг-Хемского района (центральных), нынешний Глава Республики Тыва В. Т. Ховалыг — из Бай-Тайги (западных). Кругооборот власти между родоплеменными группами, представляющими территории, дифференцированные по разным сторонам света — юг, север, запад, восток, является закономерностью архаического общества. Данный кругооборот федеральному центру, возможно, следует поддерживать в Туве, стимулируя ротацию очередной правящей группы.

Идея циклической архаизации может быть привлекательной с учетом реалий, существующих в современности в виде неоархаики, то есть архаики, обновленной в контексте актуальной действительности. Отдельные исходные элементы культуры, сформированные в виде констант (или универсалий) на стадии этногенеза под влиянием конкретных ландшафтных условий, могут сохранять свою устойчивость, а также прагматическую и символическую значимость на протяжении длительного времени, поскольку доказали свою «разумность» и оправданность на практике. Соответственно, воспроизводство отдельных элементов архаизации регионального сообщества в Туве можно в определенных отношениях оценивать позитивно — как возвращение к основной, доказавшей свою эффективность в историческом времени, программе существования. Разумеется, эта программа может реализовываться в современных условиях, только если она реально служит удовлетворению насущных потребностей населения республики.

В то же время надо иметь в виду и другой значимый аспект рассматриваемой проблемы. Нельзя забывать, что Тува является, хоть и удаленной от столицы, но неотъемлемой частью современного российского общества. Поэтому «то, как общество воспринимает удаленность и обращается с ней,

¹ Леонов Н. Танну-Тува. Страна голубой реки. М.: Изд-во Об-ва политкаторжан, 1927. С. 36.

² Мышлявцев Б. А. Нормативная культура тувинцев (конец XX — начало XXI в.) [Электронный ресурс] // Samlib.ru. 2009. URL: http://samlib.ru/tn/myshljawcew_boris_aleksandrowich/tuva-l.shtml (дата обращения: 05.04.2021).

важно и для самого этого общества, а не только для людей, затерянных в удаленности» (Хамфри, 2014: 21). Осознание данного факта является важным условием выстраивания оптимальных, взаимовыгодных отношений в центр-периферийной перспективе.

Заключение

В рамках отстаиваемого нами субъектно-ориентированного подхода в интерпретации феномена диалога культур (Попков, Тюгашев, 2020), который мы использовали в настоящем исследовании, тувинская культура рассматривается как имеющая активное, творческое начало. Именно благодаря этому Тува, длительное время находившаяся на периферии разных имперских систем и испытывавшая на себе серьезные внешние политические, социально-экономические и социокультурные влияния, вплоть до настоящего времени сохранила свое своеобразие, свою субъектность. Рассмотренные нами разные проявления центрации тувинской культуры являются отражением особенностей ее месторазвития и подтверждают идею социокультурной опосредованности географического фактора, что находит отражение во взаимосвязи и взаимопереходах, в амбивалентности статусов центра и периферии в исторической динамике.

Феномен географического центра порождает в общественном сознании разнообразные проявления своего рода сакральности, что отражается в устойчивости архетипических оснований развития тувинской культуры. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что несмотря на зафиксированный эффект палимпсеста как своеобразного напластования элементов разных культурных влияний, тувинская культура продолжает сохранять свое духовно-ценностное ядро. Даже те его элементы, которые были в свое время, казалось бы, навсегда утрачены в результате мощных внешних воздействий, в настоящий момент начинают себя активно проявлять. В этой связи достаточно привести яркий пример возрождения *дагылга* — обрядов освящения группами родственников тувинцев значимых природных объектов (Дагылга ... , 2021). Он стал возможным благодаря активности представителей разных тувинских родов.

Описанный в отмеченной книге обряд дагылга свидетельствует о цикличности традиционной культуры, реализующейся, с одной стороны, в сохранении ее значимых элементов, с другой стороны, в их актуальном обновлении. В этой связи важно отметить, что современное тувинское общество оправдывает свой статус принадлежности географическому (а возможно и сакральному) Центру Азии, подтверждая это наличием в нем активного творческого начала — характерного свойства любого центра. Здесь существует множество социальных инициатив, начиная от принятия многочисленных кодексов корпоративной этики и должностного поведения работников разных профессиональных групп, кодексов чести мужчин, молодой семьи, свода заповедей матерей и т. п., заканчивая, можно сказать, конкурсным движением во многих областях общественной жизни.

Аналогичные инициативы свойственны и представителям органов власти. Так, 8 января 2022 г. Глава-Председатель Правительства Республики Тыва В. Т. Ховалыг провел онлайн-встречу с общественностью, главным образом, с жителями, выехавшими в настоящий момент из Тувы по разным причинам (на ней присутствовало более 100 человек, а также несколько региональных министров; один из авторов статьи был также участником этой встречи). Главный смысл разговора — о благополучном будущем Тувы, для обеспечения которого ставится задача по возможности вернуть в республику покинувших ее сограждан, создав для этого необходимые условия. Хотелось бы надеяться, что данное мероприятие — не разовая акция, а начало рассчитанной на перспективу осмысленной программы, направленной на достойное обустройство уникального тувинского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгбай, Ч. О. (2012) Диалог тувинской и западной культур (на примере жизни ученого Ондара Дарыма) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 86–94.

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл. 188 с.

- Долженкова, О. В. (2019) Этническая культура на глобальной орбите: феномен пространственного развития тувинской народной музыки // Новые исследования Тувы. № 3. С. 52–65. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.5>
- Каррутерс, Д. (1914) Неведомая Монголия. Т. I: Урянхайский край. Петроград: Издание Переселенческого Управления Гл. Управ. Землеустройства и Земледелия. 342 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2012) Концепты «За Саянами» и «тувинское время» в общественном дискурсе Тувы // Пограничье культур — культуры пограничья / научный редактор Зоя Морохоева / *Debaty Artes Liberales*. Т. VI. Warszawa : Uniwersytet Warszawski. 321 с. С. 279–293.
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>
- Лотман, Ю. М. (2002) История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПБ. 768 с.
- Маннай-оол, М. Х. (1970) Тува в скифское время (Уюкская культура). М. : Наука. 117 с.
- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 164 с.
- Матков, Д. О., Кротов, А. В. (2015) Этническая и культурная обособленность Тывы. Проблемы и пути их решения // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. № 3–2. С. 42–46.
- Обручев, В. А. (2007) Естественные богатства Танну-Тувинской республики и степень изученности последней // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / составитель С. К. Шойгу. М. : Слово/ Slovo. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944). 584 с. С. 164–179.
- Отрошенко, И. В. (2020) «Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. No 3. С. 35–48. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Тува в диалоге культур: компаративистский контекст // Новые исследования Тувы. № 4. С. 217–229. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15
- Родевич, В. (1912) Урянхайский край и его обитатели // Известия Русского географического общества. Т. 48. С. 129–188.
- Савинов, Д. Г. (2002) Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : СПбГУ. 204 с.
- Топоров, В. Н. (2010) Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. I. 448 с.
- Тюгашев, Е. А., Попков, Ю. В. (2017) Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.1>
- Хамфри К. (2014) Изменение значимости удаленности в современной России // Этнографическое обозрение. № 3. С. 8–24.
- Шубарт, В. (2000) Европа и душа Востока. М. : Альманах «Русская идея». 448 с.
- Dirin, D. A., Fryer, P. (2020) The Sayan Borderlands: Tuva's Ethnocultural Landscapes In Changing Natural And Sociocultural Environments // *Geography, Environment, Sustainability*. Vol. 13. № 1. P. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>
- Eliade, M. (1959) *Cosmos and History*. New York : Harper. 176 p.
- Guenon, R. (1983) *Lord of the World*. Moorcote : Coombe Springs Press Ltd. 70 p.
- Karelina, E. K. (2018) The Problematic Aspects of Cultural Policy in Modern Tuva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. № 11. P. 218–226.
- Multidimensional Social Science. An inclusive approach to social position and inequality (2009) / C. G. van der Veer (ed.) et al. Amsterdam : Rozenberg. 166 p.
- Friedmann, J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 p.
- Leighton, R. (1991) *Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey*. New York : W. W. Norton. 254 p.

Дата поступления: 03.12.2021 г.

REFERENCES

Adygbai, Ch. O. (2012) Dialog tuvinskoi i zapadnoi kul'tur (na primere zhizni uchenogo Ondara Daryma) [Dialogue of Tuvan and Western cultures as exemplified by the scientist Ondar Daryma's life]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 86–94. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaiia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Contemporary labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.).

Dolzhenkova, O. V. (2019) Etnicheskaia kul'tura na global'noi orbite: fenomen prostranstvennogo razvitiia tuvinskoi narodnoi muzyki [Ethnic culture in the global orbit: the phenomenon of spatial development of Tuvan folk music]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 52–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.5>

Carruthers, A. D. (1914) *Nevedomaia Mongoliia [Unknown Mongolia]. Vol. 1. Uriankhai Territory*. Petrograd, publishing house of the Migration Department of the Main Department of land management and agriculture. 341 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Kontsepty «Za Saianami» i «tuvinskoe vremia» v obshchestvennom diskurse Tuvy [The concepts of “Beyond the Sayans” and “Tuvan time” in the public discourse of Tuva]. In: *Pogranich'e kul'tur — kul'tury pogranich'ia [Borderlands between cultures — cultures of the borderlands]*. Ed. by Z. Morokhoeva / Debaty Artes Liberales. T. VI. Warszawa, Uniwersytet Warszawski. 321 p. Pp. 279–293. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Yu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Lotman, Yu. M. (2002) *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury [History and typology of Russian culture]*. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. 768 p. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1970) *Tuva v skifskoe vremia (Ujukskaja kul'tura) [Tuva in Scythian time: the Ujuk culture]*. Moscow, Nauka. 117 p. (In Russ.).

Mannai-ool M. Kh. (2004) *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: the origin and formation of the Tuvan ethnicity]*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Matkov, D. O. and Krotov, A. V. (2015) Etnicheskaia i kul'turnaia obosoblennost' Tyvy. Problemy i puti ikh resheniia [Ethnic and cultural isolation of Tyva. Problems and solutions]. *Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve*, no. 3–2, pp. 42–46. (In Russ.).

Obruchev, V. A. (2007) Estestvennye bogatstva Tannu-Tuvinskoi respubliki i stepen' izuchennosti poslednei [Natural resources of the Tannu-Tuva Republic and the degree of study of the latter]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai. Tuvan notebook]* / comp. by S. K. Shoigu : in 7 vols. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 6. 584 p. Pp. 164–179. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2020) «Mongolofil'stvo» politicheskoi elity Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [“Mongolophilia” of the political elite in the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 35–48. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2020) Tuva v dialoge kul'tur: komparativistskii kontekst [Tuva in the cultural dialogue: the comparative context]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 217–229. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15

Rodevich, V. M. (1912) *Uriankhaiskii krai i ego obitateli [Uriankhai Territory and its inhabitants]* / Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha. 60 p. (In Russ.).

Savinov, D. G. (2002) *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез [Early nomads of the Upper Yenisei. Archaeological cultures and cultural genesis]*. St. Petersburg, SPbGU. 204 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010) *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы [The World Tree: Universal sign complexes]*: in 2 vols. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. Vol. I. 448 p. (In Russ.).

Tiugashev, E. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Mentalitet tuvintsev v gorizonte sotsiokul'turnoi fenomenologii Pitirima Sorokina [The mindset of the Tuvans in terms of Pitirim Sorokin's cultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.1>

Humphrey, C. (2014) Izmenenie znachimosti udalennosti v sovremennoi Rossii [The changing significance of remoteness in contemporary Russia]. *Ethnographic Review*, no. 3, pp. 8–24. (In Russ).

Schubart, W. (2000) *Evropa i dusha Vostoka [Europe and the Eastern soul]*. Moscow, Al'manakh «Russkaia ideia». 448 p. (In Russ).

Dirin, D. A. and Fryer, P. (2020) The Sayan Borderlands: Tuva's Ethnocultural Landscapes In Changing Natural And Sociocultural Environments. *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, no. 1, pp. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>

Eliade, M. (1959) *Cosmos and History*. New York, Harper. 176 p.

Guenon, R. (1983) *Lord of the World*. Moorcote, Coombe Springs Press Ltd. 70 p.

Karelina, E. K. (2018) The Problematic Aspects of Cultural Policy in Modern Tuva. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 11, pp. 218–226.

Multidimensional Social Science. An inclusive approach to social position and inequality (2009) / C. G. van der Veer (ed.) et al. Amsterdam, Rozenberg. 166 p.

Friedmann, J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 p.

Leighton, R. (1991) *Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey*. New York, W. W. Norton. 254 p.

Submission date: 03.12.2021.